

*Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой*

*Мария
Метлицкая*

Дом
в Мансуровском

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.
М54 Дом в Мансуровском / Мария Метлицкая. —
Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-194895-5

Сестры Юля и Маруся Ниточкины родились в счастливой и очень дружной семье. В их жизни хватало трудностей, но любовь родителей была неизменным оберегом.

И даже семейная тайна, выпавшая скелетом из шкафа в самый неподходящий момент, не разбила сестер. Запас любви и прочности, полученный ими в родном доме в Мансуровском переулке, позволяет верить: лучшие времена обязательно придут, иначе быть не может.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194895-5

© Метлицкая М., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

В военном городке, где жила Маруся, Юлька, ее родная сестрица, появилась через несколько лет.

Юлька любила эффекты и явилась, как всегда, неожиданно, чертом из табакерки, но при этом очень дорогим и любимым гостем.

Телеграмма пришла накануне, за два дня, — как всегда лаконичная, без объяснений, но на то она и телеграмма: «Буду двадцатого тчк Не встречай тчк Не забудь пропуск».

Маруся впала в панику. Ну, во-первых, представить сестре на обозрение свое жильё было стыдно, к тому же она все время врала про отдельную квартиру со всеми удобствами. Во-вторых, продукты... Нет, имелись, конечно, вяленая рыба, а еще соленые грибы и прочие заготовки — варенье из морошки, протертая клюква и несколько банок соленых зеленых помидоров, твердых, как камень, — другие в городок не завозились. Вот только ни рыбу, ни грибы Юлька не ела, поскольку была отчаянным мясоедом. Даже в Москве бедная Ася из-за этого мучилась — поди достань хорошее свежее мясо! Но дома справлялись: то рынок, то поездка в Асину деревню, где им выдавали во-

Мария Метлицкая

истину царские подарки — тушу молодого барашка и килограммов десять телятины.

Растерянная Маруся сидела на диване и в который раз обводила взглядом свою комнату. Да уж, кошмар и ужас. Ободранные пожелтевшие обои в дурацкий бледно-розовый цветочек, вздутый, кошмарного серого цвета линолеум, три самодельные, подобранные возле подъезда книжные полки, засиженный мухами пластиковый абажур, журнальный столик с кругами от сковородки и чашек, оставшийся от предыдущих, неаккуратных, жильцов.

Что делать, что? Нет, Маруся вовсе не неряха! Но сколько она ни старалась, сколько ни отмывала, ни терла, сдирая в кровь пальцы, ничего не получалось. Улучшить или облагородить жилище не удавалось. Что изменят керамическая вазочка с веткой багульника или два скучных постера на стене? Нищету прикрыть трудно.

Ремонт не делали — ждали квартиру. А с квартирой пока было глухо. Повздыхав и поплакав, Маруся решила действовать. Упасть в грязь лицом перед Юлькой? Ни в коем случае! И она кликнула соседок. Отозвались самые близкие, Лида Брекун и Тася Зубцова, и через пару часов на вздутый линолеум гордо лег красный ковер с классическим, как сказала Лида, рисунком. Маруся вздохнула: если бы дома, в Мансуровском, они постелили вот такой классический, все бы онемели и решили, что кто-то сошел с ума. Но и за это спасибо. Тася принесла шторы, которые, между прочим, сняла с собственного окна! Шторами

Дом в Мансуровском

Тася гордилась: на голубом тюле плыли длинношеие белые лебеди.

Потом появилась хрустальная ваза с искусственными гвоздиками, конфетница из того же прессованного хрусталя, и завершали это обновление два шедевра — здоровенный фарфоровый белый гусь с золотым клювом и устрашающим выражением злощней, какой-то драконьей морды и такой же здоровенный деревянный лакированный орел с распахнутыми крыльями и надписью «Привет из Кисловодска».

Соседки плюхнулись на диван, оглядели дело рук своих и остались довольны.

— Ну! — удовлетворенно сказала Лида, поднимаясь с дивана. — А ты боялась! Какую красоту навели! А ты не верила!

Выдавив жалкую улыбку, Маруся кивнула:

— Спасибо вам, девочки!

Довольные соседки ушли, а она уселась на диван и разревелась. Все было ужасно. Правда, теперь стало еще и смешно — можно представить, как развеселится сестрица! Сначала развеселится, а уж потом ужаснется.

Но и убрать все это было нельзя — девочки бы смертельно обиделись. Все было сделано от души, оторвано от самого сердца, но Маруся пожалела, что позвала соседок. Однако и это придется пережить.

Теперь оставалось раздобыть самое главное — мясо.

Мяса ни у кого не было. Правда, у Таси в холодильнике болтались какие-то кости «на супеш-

Мария Метлицкая

ник», как она говорила, и она была готова тут же отдать и эту «драгоценность». Но из замороженных костей не сделаешь ни котлет, ни жаркого.

Думали долго. Осенило Лиду:

— Пойдем к Салаевой! — сказала она с таким выражением лица, будто собралась на фронт бить фашистов.

Антонина Салаева была личностью известной и одиозной — мурманчанка, приехавшая в военный городок ловить мужа. С мужем не получилось, и Антонина стала ловить любовников. Но никто, кроме изголодавшихся солдатиков-срочников, не клевал на грубую и некрасивую хамку. А Антонина тяготела к офицерскому составу. И, невзирая на отталкивающую внешность, ужасный характер и прочие недостатки, любовников находила. Причина была в одном — Антонина Салаева была заведующей центральным гастрономом.

— Ну нет! — вздрогнув, сказала Маруся решительно. — Туда — ни за что!

— Я пойду, — заявила верная Лида, — я. У тебя, москвичка, все равно ничего не получится.

— Как на казнь, — заметила Тася и поддержала подругу: — Ты там держись! Хочешь, я постою на улице?

Сколько ни уговаривала Маруся добрую Лидочку, сколько ни умоляла «не идти на компромисс, не унижаться и не портить здоровье», Лида качала головой и упрямо повторяла одну и ту же фразу: «Ну не съест же меня эта сука?»

Дом в Мансуровском

Маруся знала — остановить Лиду невозможно: сибирский характер, к тому же жена офицера.

— Как на убой посылаем. — Тася перекрестила Лидочку в спину.

Вернулась та не скоро. Бледная, измочаленная, словно вагоны разгружала. Шмякнула на стол здоровенный и явно тяжелый шмат, завернутый в газету, и в изнеможении села на стул.

— Получилось? — не веря своим глазам, спросила Тася. — Я, если честно...

— Тонька в настроении была, — глухим голосом ответила Лида. — Видать, мужика нового подцепила. Девки, водка есть? Ну или что-то спиртное?

Маруся развернула газету. В ней лежал здоровенный, килограмма под два, кусок свинины.

— Ничего себе! — пробормотала Маруся. — Ну, Лида! Ты герой!

С достоинством кивнув, Лида опрокинула рюмку водки.

Мясо было перемороженным, каменным, но все же это было мясо, сплошная мякоть, бледно-розовая, с белыми прожилками жира. Первая мысль — отрезать кусок и сбечь для Алешки. Потом стало стыдно. Да и когда он, Алешка, вернется? Впереди целых четыре месяца ожидания.

Маруся было загрустила, вспомнив про любимого мужа, и тут же улыбнулась — ну все, в грязь лицом не ударит. Обед есть, и Юлька будет сыта, а это главное.

Обсуждая рецепты, женщины спорили.

Мария Метлицкая

Героиня дня Лида настаивала на жарком. Та-ся — на котлетах. А Маруся машинально поддакивала то одной, то другой и думала о своем — как пройдет встреча с Юлькой? Как сестра отреагирует на то, что увидит?

У Юльки характер. Юлька правдоруб и не стесняется в выражениях, что называется, рубит сплеча. Юльке не знакомы «цирлих манирлих» и всяческие реверансы. Марусина сестра — человек суrowый и справедливый, журналистка.

Ладно, прорвемся. Главное — она приедет, привезет свежие новости, и они наконец обнимутся!

Вечером Маруся сделала жаркое, сварила компот из морошки и испекла пирожки с клюквой. Устала так, что упала без сил. Но, несмотря на усталость, все равно не спалось. Переживала из-за Юлькиного приезда, из-за Лешки, из-за папы и Аси, из-за своего вранья, которое вот-вот вскроется, — словом, из-за всего. Это Маруся умела.

Под утро, когда сон почти сморил ее, рванула в туалет. Еле успела. Токсикоз, чтоб его. И слезы, по любому поводу слезы. Ну вот, например, Юлькин приезд. Ведь огромная радость, а она плачет. Понятно, беременность, гормональный фон. И еще жгучая тоска по своим и родному дому. Вспоминала Москву, Остоженку, улицы и улочки, исхоженные вдоль и поперек, угловую булочную, куда они с сестрой бегали за бубликами и «калорийными» булочками, любимую скамейку на заднем дворе, огромный старый клен у подъезда, песочницу и — начинала реветь.

Дом в Мансуровском

Как далеко оказалось все это, вся их прежняя, такая любимая, жизнь! Потом, правда, она вспомнила, что плакать и нервничать вредно, умывалась и брала себя в руки.

Маруся оглядела принаряженную комнату, и ее взгляд остановился на фарфоровом златоклювом Лидином гусе: «Ну и морда! Не гусь, а сатана! И как Лида могла купить этот ужас? Нет, этого я не выдержу». И, завернув в полотенце, убрала страшилище в диванный ящик.

Юлька появилась к обеду. Маруся все глаза проглядела, чуть нос не примерз к окну. А сестрица уже стучала в дверь:

— Эй, где вы там? Спите, черти?

Маруся кинулась в объятия сестры.

От Юльки восхитительно пахло духами Climat, морозцем, свежестью, влажным мехом, помадой.

— Господи, — чуть отстранив от себя Марусю, сказала она, — неужели все это правда? Как будто сто лет тебя не видела.

Маруся утирала слезы. Юлька. Сестра, нет никого роднее. И пусть Лешка не обижается — с ним они всего пару лет, а с Юлькой всю жизнь. И в этой жизни было столько всего! И хорошего, и плохого. Всякого.

Юля оглядывала комнату, кхекала, но деликатно молчала. «Пока молчит», — думала Маруся. Но, зная сестрицу, была готова ко всему. Она крутилась вокруг Юли, причитала, обнимала и целовала ее, принималась плакать и хлопать покрасневшим носом, бросалась на кухню, чтобы разогреть обед,

Мария Метлицкая

расставляла посуду, грохнула от волнения тарелку, заохала, запричитала, схватилась за веник.

— Не суетись, — спокойным голосом сказала сестра, — ну что ты мечешься как подстреленная? — В голосе зазвучали раздраженные и знакомые командные нотки: — Садись, Мань. От голода я не помру. Давай просто посидим. Что ты как заполошная? Не английская королева к тебе приехала, а родная сестра. — Помолчала и вдруг сказала: — Врала, значит, все врала. И про отдельную квартиру врала, и про польскую стенку, и про мягкую мебель.

— Чтобы вас не расстраивать. А квартиру мы ждем! Честное слово! Вторые на очереди! Леша вернется, и...

Юлька перебила ее:

— Что «и», Мань? Апартаменты с ремонтом выдадут? Фруктов в магазине будет завались? Муж твой перестанет уходить на полгода, и ты перестанешь дергаться: всплывут — не всплывут? Что поменяется, Маш? Ну чтобы так, кардинально? Может, климат?

— При чем тут климат? К климату я привыкла. То есть привыкаю, — разозлилась Маруся. — Леша — мой муж, а я жена офицера. И силой сюда меня не отправляли. Это только мое решение, и ты это знаешь! А потом, Юль, ты вообще понимаешь, что я Лешку люблю?

Юля махнула рукой — дескать, что с тобой, с душой, разговаривать!

— Ну хотя бы душ у вас есть? — ядовито осведомилась она. — Или снег топите?

Дом в Мансуровском

— Ванна! — обрадовалась Маруся. — Вот тебе полотенце, халат — и вперед!

На пороге ванной Юля застыла, обернулась на Марусю и покачала головой:

— Нет, дорогая. В эту ванну я не полезу! Ладно, теперь до дома. А халат и тапочки давай, что уж.

Ванна была желтого цвета и не отмывалась никакими средствами, как Маруся ни старалась. Дно ее было поцарапанным, коричнево-черным, с омерзительными, неотмывающимися подтеками.

— Я полотенце на дно кладу. Ну и... давай положу, а? — жалобно и заискивающе спросила она сестру. — Я ее только вчера отмывала!

Юля прошла по квартире. Заглянула на кухню. Кивнула на две соседние двери:

— Соседи?

— Ну да.

— И где они? — строго, как инспектор, спросила Юля.

— Шепелевы в отпуске, Бородин в походе. Он бессемейный, — словно оправдывалась она.

— Жених, значит, — недобро усмехнулась Юля, — понятно. И как?

— Что — как? — не поняла Маруся.

— Жених как? Стоящая кандидатура? Может, рассмотреть? А что, будем соседями.

— Брось ерничать, Юль, — обиделась Маруся, — везде люди живут. А эти, между прочим, еще и страну охраняют! И не всем довелось родиться в столице. А люди здесь приличные, морские офицеры. И жены у них...

Мария Метлицкая

— Видела я этих жен, — прервала сестру Юля. — Да разве я спорю? Конечно, везде! И на Севере, и в Антарктиде! И в пустыне живут, и в горах. Только у меня один вопрос. Всего один. При чем здесь ты, Маша?

Машей она называла сестру в самых крайних, конфликтных случаях или если злилась и обижалась. А так сестра для всех была Марусей.

— Я? — Маруся поперхнулась от возмущения. — Потому что я — жена офицера! — с пафосом повторила она. — Потому что это мой долг. Потом — и я тебе говорила, — я люблю Алешку и счастлива с ним! — И Маруся расплакалась.

— Ладно, — примирительно сказала Юлька, — ну? И где твои яства?

Попробовав мясо, за которое билась бедная Лида Брекун, Юля скривилась:

— Собачатина? А может, медвежатина?

— Что? — поперхнулась Маруся. — Ты... — от возмущения она закашлялась, — ты совсем спятила? Это свинина! И вообще, Юль! Ты, кажется, перегибаешь!

Ну что делать? Поссориться, выгнать Юльку из дома, уйти самой? В конце концов, все это Маруся предвидела. Такой человек ее Юлька. Непросто с ней, но это родная сестра.

— Ладно, — примирительно вздохнула Юля, — извини. Но ведь не жутая, зараза! А юморок мой ты знаешь.

— А ты и собачатину пробовала? — желчно осведомилась Маруся. — Откуда знаешь, что она не жутая?

Дом в Мансуровском

Зато пирожки с клюквой Юльке понравились. И калитки с картошкой, принесенные Лидой, и компот из морошки.

Юлька открыла дорожную сумку и, как факир, медленно, с расстановкой, стала вытаскивать подарки — пять плиток горького шоколада с орешками, две банки растворимого кофе, индийский чай, две палки сырокопченой колбасы — как же она восхитительно пахла! — целых четыре коробочки сыра «Виола» — Маруся его обожала! — и пять большущих ярко-желтых лимонов. В общем, фантастика.

А потом сестры разговаривали.

Юля рассказывала о Москве и родных, вскользь о своих кавалерах, прокомментировав, что все это не то и вообще полная ерунда, а «того самого» нет, и она почти не верит, что это когда-нибудь будет.

— Видимо, дело во мне, — вздохнула она. — Или в судьбе. Ты в нее веришь?

От этих откровений Юля немного смутилась, и было странно видеть ее растерянной. «Устала, просто устала, — мелькнуло у Маруси, — вот и раскисла, разнюнилась».

— Иногда думаю, — продолжила Юля, — на что я трачу жизнь? Дурацкие романчики, порочные связи. Ну что ты смеешься? Да, порочные. Иду я тут по Каланчевке и реву, представляешь? Я — и реву! Причин нет, просто жалко себя. Все обрачиваются, а мне наплевать. Ты знаешь, мне правда наплевать на прохожих.

«А ведь Юлька несчастна, — подумала Маруся, и ее сердце буквально разорвалось от печали и бо-